

— Почему ты не ешь? — Шэнь Байцзин положил кусочек рыбы в чашу Жун Хуа. — Ешь побольше, ты слишком худой.

Шэнь Байцзин действительно считал, что Жун Хуа выглядит болезненно худощавым. Конечно, нельзя сказать, что он был похож на скелет, обтянутый кожей, но всё его тело казалось таким хрупким, словно первый же порыв ветра мог его свалить.

— Благодарю Ванъе за заботу.

Жун Хуа посмотрел на кусочек рыбы в чаше и промолчал. На самом деле, приготовленного ужина хватало ровно на одного, и, когда Шэнь Байцзин неожиданно нагрянул и решил поесть вместе с ним, Жун Хуа, опасаясь, что гостю не хватит еды, нарочно ничего не брал.

Дун Лю, наблюдавший за этим со стороны, сильно нервничал. Его Высочество и без того ел до обидного мало, а сегодня, когда он наконец-то приготовил что-то аппетитное, он снова почти не притрагивался к еде.

Когда посуду унесли, Шэнь Байцзин получил возможность осмотреть жилище Жун Хуа. Его нельзя было назвать бедным, но в нём царила какая-то пустая, холодная отчуждённость.

— Ванъе, если у вас есть что сказать, говорите прямо, — произнёс Жун Хуа, видя, как Шэнь Байцзин уже несколько раз открывал рот, но так и не решался заговорить.

— Прости. Все эти годы я был несправедлив к тебе. — Эти слова дались Шэнь Байцзину нелегко: это был долг, который он задолжал Жун Хуа за две жизни.

Хотя в Государстве Дин не осуждали однополые связи, всё же это не считалось правильным путём. Чаще всего знатные юноши заводили подобные интрижки ради забавы, а в итоге всё равно женились на женщинах и обзаводились наследниками. Даже если кого-то и забирали в дом, они оставались лишь слугами-наложниками, в лучшем случае — второстепенными супругами.

Учитывая статус Жун Хуа, если бы не любовь, пронзившая его до глубины души, стал бы он добровольно терпеть унижение, живя в Резиденции вана И, и так долго томиться в ожидании?

— Ванъе, вы шутите. Жун Хуа сам добровольно загнал себя в эту тюрьму, винить здесь некого, — горько усмехнулся Жун Хуа. Если кого и винить, то только его самого за то, что он позволил себе такую безумную одержимость.

— Жун Хуа, это я во всём виноват. Всё, что было в прошлом — лишь моя ошибка. — Шэнь Байцзин сделал шаг вперёд и взял Жун Хуа за руку. Она была прохладной — белая, изящная, с тонкими пальцами. На вид руки человека, привыкшего к роскоши, но Шэнь Байцзин чувствовал скрытую в них силу.

В литературе он владел кистью, в бою — мечом.

— Если я скажу, что осознал, насколько ужасно ошибался, дашь ли ты мне шанс всё исправить? — Шэнь Байцзин пристально посмотрел на Жун Хуа и спросил с искренностью в голосе.

В душе Жун Хуа всё дрогнуло. Он слишком долго ждал, когда Шэнь Байцзин наконец повернётся к нему, но он не мог позволить себе давить на него своим статусом и не желал униженно вымаливать любовь — это было последнее, что осталось от его гордости и достоинства.

Поэтому он молча наблюдал, как Шэнь Байцзин проводит время в разгульных утехах, как в Княжеском поместье становится всё шумнее, но всё это не имело к нему никакого отношения.

— Я...

Жун Хуа не успел закончить, как вошёл Мэн Нянь.

— Ванъе... — Мэн Нянь замер. Похоже, он пришёл не вовремя.

— Говори.

— Слуга-наложник Тао Чжоу сказал, что сегодняшний ужин ему не по вкусу, а теперь ему стало нехорошо, и он требует, чтобы Ванъе немедленно пришёл к нему, — осторожно проговорил Мэн Нянь. Тао Чжоу в последнее время пользовался особой благосклонностью, был капризным, своенравным и ревнивым, хотя перед Шэнь Байцзином всегда притворялся покорным и рассудительным.

Жун Хуа высвободил руку из ладони Шэнь Байцзина, словно всё ещё чувствуя его тепло, но тон его стал холоднее:

— Идите, Ванъе.

Дун Лю, стоявший рядом, едва не вскрикнул от досады. Его Высочество с таким трудом дождался человека, почему же он так легко его отталкивает? Неужели он не мог сказать пару ласковых слов и попросить остаться? Дун Лю всегда считал, что те остальные в поместье даже близко не стоят с Его Высочеством — разница между ними была как между облаками и грязью, но Ванъе, как назло, не замечал достоинств Жун Хуа, предпочитая им льстивых и пустых созданий.

— Если повару что-то не по вкусу — пусть идёт есть в другое место. Если плохо себя чувствует — пусть позовёт лекаря. Скажи ему, чтобы вёл себя смирно, — раздражённо бросил Шэнь Байцзин. Сейчас, когда кто-то устраивает сцены и портит настроение, он явно чувствовал, как

мягкость, только что промелькнувшая в глазах Жун Хуа, сменяется прежним холодным отчуждением. К тому же он помнил, что в прошлой жизни, когда в семье Шэнь случилась беда, Тао Чжоу сбежал с деньгами вместе с одним из стражников. Одного этого было достаточно, чтобы Шэнь Байцзин рано или поздно выставил его из дома.

— Слушаюсь. — Мэн Нянь удалился, думая о том, как трудно порой угадать мысли Ванье.

— Я не пойду к нему, не сердись, — тихо сказал Шэнь Байцзин. Он не умел утешать людей — обычно все вокруг старались угодить ему, — но видеть, как взгляд Жун Хуа снова становится мягче, было для него чем-то новым и приятным.

— Можно мне остаться сегодня ночью с тобой? — Шэнь Байцзин понимал, что проявляет излишнюю поспешность, но он боялся отпускать Жун Хуа из виду. Боялся проснуться и снова оказаться умирающим, боялся, что всё это — лишь сон, боялся не успеть отплатить Жун Хуа добром.

Жун Хуа поднял взгляд на Шэнь Байцзина, словно пытаясь разглядеть его насквозь, или же, наоборот, уже поняв его цели.

— Нет-нет, я не это имел в виду, — поспешно объяснил Шэнь Байцзин. Он не хотел, чтобы Жун Хуа считал его человеком, алчущим лишь плотских утех. Особенно теперь, когда он проживал жизнь заново, он не собирался пользоваться любовью и снисходительностью Жун Хуа, чтобы принудить его к близости, пока между ними не исчезнут все обиды и они не обретут подлинное взаимное чувство.

— Я просто хочу поговорить с тобой. Можно?

— Хорошо. — Жун Хуа кивнул. На самом деле, он так и не понял истинных намерений Шэнь Байцзина. Были ли эти внезапные знаки внимания и забота искренним раскаянием или же за ними скрывалось нечто иное?

Но каким бы ни был ответ, Жун Хуа не мог сказать нет.

Жун Хуа сидел на кушетке с книгой в руках, а Шэнь Байцзин, усевшись напротив, смотрел на него.

— Ванье, вы насмотрелись? — Жун Хуа чувствовал себя неловко и не мог сосредоточиться ни на одной строчке.

— Нет, не насмотрелся. И целой жизни будет мало, — Шэнь Байцзин ничуть не смутился, будучи пойманным, и с улыбкой добавил: — С чего это мой Главный супруг такой красавец?

От этих слов уши Жун Хуа слегка покраснели, но он изо всех сил старался сохранить

невозмутимость.

Шэнь Байцзин счёл этот вид — когда Жун Хуа смущается, но притворяется спокойным — невероятно милым. Не удержавшись, он подался вперёд и поцеловал его в щёку.

Жун Хуа опешил, а затем густо покраснел, словно помидор. Придя в себя, он поспешно прикрылся книгой.

Шэнь Байцзин тихо рассмеялся. Как же он мог упустить такое сокровище в прошлой жизни?

— Ладно, не буду тебя мучить. Пойду на кухню, посмотрю, есть ли там какая-нибудь еда, а то ты совсем мало съел за ужином.

Павильон Минъюэ всегда был на самообеспечении. Дун Лю сам ходил за покупками и не пересекался с общими запасами поместья. Жун Хуа не желал слушать ни едких насмешек, ни кичливого хвастовства других обитателей, и не хотел, чтобы его люди подвергались унижениям со стороны других слуг. В конце концов, люди так привыкли пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

<http://bllate.org/book/26759/3207204>